

Козацкая республика в Запорожье.

Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли из школы ни одной буквы; но вместе с этими здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Здесь было много офицеров из польских войск; впрочем, из какой нации здесь не было народа?
Гоголь/Тарас Бульба

До недавнего времени представление среднего обывателя о запорожском козаке формировалось стереотипно: в лучшем случае — под влиянием прочитанного у Гоголя и увиденного в опере "Запорожец за Дунаем", в худшем — по плохим учебникам и "легендам" „ коммунальных кухонь, "об усатых, чубатых молодцах", любивших в старое доброе время после хорошей чарки горелки погасать на лихих конях и пострелять, по приказу московских воевод, по татарам и полякам. Такой себе лубок по мотивам "Истории Малороссии до 1917 года" царского образца, или образца идеологического отдела сталинского ЦК ВКП/б/, с помощью "классового чутья" проводившего прямую аналогию между запорожцами XVI а и казачьими частями активно разгонявшими нагайками пролетарские митинги в России начала XX в.

Сегодня, слава Богу, мы можем получить полную информацию по этим вопросам, причем из источников, не вызывающих сомнений. Это, прежде всего, "История запорожских казаков" Д. И. Яворницкого и другие многочисленные исторические очерки (ставшие доступными в постсоветское время), благодаря которым каждый из нас может ненадолго окунуться в атмосферу той славной эпохи, когда в упорном труде и в бою начался на нашей родной земле процесс формирования такого представления как Украина.

200-летие Гоголя стало информационным поводом для пропагандистской кампании со стороны РФ. К юбилею гения на экраны страны вышел новый блокбастер «Тарас Бульба» в постановке Владимира Бортко и с мощным Богданом Ступкой в главной роли. Идея фильма сфокусирована в финальной сцене, снятой вполне по Гоголю: «Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли

веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

- Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху, - Вспоминайте меня и будущей весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постой те же, придет время, будет время, когда узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: поднимается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Между тем в первой редакции повести эта сцена выглядит совсем иначе: «Когда Бульба очнулся немного от своего удара и глянул на Днестр, он увидел под ногами своими козаков, садившихся в лодки. Глаза его сверкнули радостью. Град пуль сыпался сверху на козаков, но они не обращали никакого внимания и отчаливали от берегов. "Прощайте, паны-братья, товарищи! – говорил он им сверху, - вспоминайте иной час обо мне! Об участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимут по кускам, и что кусочка моего тела не оставят на земле – да то уже мое дело... Будьте здоровы, паны-братья, товарищи! Да глядите, прибывайте на следующее лето опять, да погуляйте, хорошенько!.." Удар обухом по голове пресек его речи».

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕХ, КТО УМЕЕТ ЧИТАТЬ, ВЫКЛАДЫВАЮ ССЫЛКУ НА ПЕРВУЮ ОФИЦИАЛЬНУЮ ВЕРСИЮ ТАРАСА БУЛЬБЫ

<http://public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai/taras35.html>

Как видим, в первом варианте «Тараса Бульбы» о «русском царе» речи нет. Что же заставило Гоголя переписать финал, «усилить» его идеологически? Может быть, прав польский историк Януш Тазбир: «У Гоголя русское национальное самосознание всегда боролось с украинским»? И как на самом деле мыслило украинское козачество? Попытаемся ответить хотя бы на последний вопрос.

Начать следует издали, с XIV века. Осенью 1362 года, за 18 лет до Куликовской битвы, произошла знаменитая битва на Синих Водах, в ходе которой литовцы разгромили татар. С этого момента начинается возвышение Великого Княжества

Литовского (ВКЛ), что существенно отразилось на дальнейшей исторической судьбе Украины, входившей в состав ВКЛ. Дело в том, что литовцы с уважением относились к традициям и обычаям Руси, сохранявшимся в Украине. Например, делопроизводство в Литве велось на древнерусском языке вплоть до 1791 года. Украинский историк М. Грушевский считал, что ВКЛ сохранило традиции Киевской Руси в большей степени, чем Московия, формировавшаяся под татарско-византийским влиянием; он даже называл ВКЛ «обновленным русским государством». Украинские историки признают, что, несмотря на недостатки, ВКЛ «на протяжении двух веков (до Люблинской унии 1569 г. – А.Ш.) создавало благоприятные для украинцев условия существования».

В 1385-86 гг. была предпринята первая попытка объединения Польши и Литвы – речь идет о Кревской унии. Вскоре последовал разрыв Кревской унии со стороны Литвы, считавшей, что заключенный союз не равноправен. В 1401 году уния была возобновлена на условиях равноправия сторон и, таким образом, возникла федерация Польши и Литвы. Именно в таком качестве эти страны подошли к знаменитой Грюнвальдской битве (1410), в ходе которой одержали победу над силами Тевтонского ордена. Хотя в дальнейшем в отношениях двух стран возникали проблемы (восстание Свидригайло), в целом шел процесс дальнейшего сближения.

Уже с середины XIV в Польше и Литве стало распространяться Магдебургское право – известная с XIII века германская система городского самоуправления, близкая к современной демократии. Как известно, города, по Магдебургскому праву, «освобождались от феодальных повинностей, от суда и власти воевод, старост и других государственных чиновников», а взамен создавался выборный орган самоуправления – магистрат, опирающийся на выборную раду и общегородское собрание – громаду. Таким образом, по точному определению А. Бушкова, город выступил в европейской истории как «суверен и законодатель».

Магдебургское право обрели следующие города ВКЛ:

Львов (1356), Каменец-Подольский (1374),

Вильня (1387), Брест (1390), Гродно (1391),

Луцк (1432),

Слуцк (1441),

Киев (1494-1497),

Полоцк (1498), Минск (1499),

Браслав (1500)

, Речица (1511), Слоним (1531), Могилёв (1561), Витебск (1597), Друя (1620), Казимир (1643),

Глухов (1644),

Станислав (1662)

, Гомель (1670) и др. В Белоруссии Магдебургское право действовало до 1793 г., т.е., до ее включения в состав Российской империи, после чего «на смену магистратам во главе

с войтами (старостами) пришли назначаемые губернаторы». Знакомая картина...

В Киеве Магдебургское право сохранялось до 1835 года, когда и было отменено императором Николаем Первым. Кстати, по его же приказу в 1851 году снесли здание бывшей ратуши в Минске – очевидно, чтобы оно не напоминало горожанам об иных, вольных временах. Тем не менее, и сегодня для национально мыслящих белорусов Магдебургское право остается одним из маяков европейской идентичности. Остается лишь добавить, что в Российском государстве горожане никогда не имели права, сопоставимого с Магдебургским.

Наконец, в июле 1569 г. в результате Люблинской унии возникла Речь Посполитая, просуществовавшая 226 лет. Это была конфедерация, называвшая себя «Республикой Обоих Народов, Республикой Короны Польской и Великого Княжества Литовского». В составе Речи Посполитой ВКЛ сохраняло свое правительство, армию, денежную систему; существовала даже граница между Польшей и Литвой, на которой взимались таможенные сборы. Речь Посполитая имела две валюты – злотый и грош, а также три официальных языка: польский, латынь, а также до 1696 года – русский (староукраинский).

Признается, что Речь Посполитая представляла собой «уникальное государственное устройство»: выборная монархия, дворянская республика во главе с королем, избиравшимся сеймом (высшим законодательным органом). При этом огромную, а нередко и определяющую роль в жизни государства играли местные сеймики, ставшие продолжением древней вечевой традиции.

В отношении гражданских прав Речь Посполитая была, пожалуй, наиболее передовым государством тогдашней Европы. Другое дело, что обладательницей этих прав была, прежде всего, шляхта. Если сравнивать Речь Посполитую с Московией, то можно сказать, что формула первой звучала как «да, права, но не для всех», а формула второй – как «бесправие для всех». Однако следует помнить: «права не для всех» способны эволюционировать во всеобщие права (так и произошло в Европе), тогда как «бесправие для всех» ни во что путное эволюционировать не может – разве что в ГУЛАГ или «суверенную демократию»...

Однако когда мы говорим о господстве шляхты в Речи Посполитой, надо помнить, что при этом не подразумевается господство этнических поляков. Ведь огромная часть

высшей польской аристократии, не говоря уже о простой шляхте конфедерации, была украинского (руського) происхождения и православного вероисповедания: Острожские, Сангушко, Чарторыйские, Збаражские, Четвертинские, Слуцкие, Ружицкие, Воронежские, Пузины, Курцевичи, Вишневецкие... Именно представитель последнего рода, **Дмитрий Вишневецкий (Байда), имевший прекрасное европейское образование, стал основателем знаменитой козацкой республики-ордена – Запорожской Сечи, просуществовавшей в общей сложности 200 лет.**

Шляхтичем украинского происхождения, имевшим родовой герб «Абданк», был и Богдан Хмельницкий, причем шляхтичем православным - повторяю, были во множестве и такие. Вообще в шляхетской среде господствовала веротерпимость: достаточно сказать, что 25-30 % шляхтичей исповедовали кальвинизм. Да и сам православный Хмельницкий учился в Иезуитском коллегииуме в Ярославе и Львове, и вероисповедание Богдана тому не препятствовало.

Интересно, что будущий инициатор Переяславской рады воевал с Россией во время Смоленской кампании 1633 года, и даже получил за это золотую саблю от короля Владислава IV

, с которым у него установились доверительные отношения.

Импульсом, сделавшим Хмельницкого тем, кого мы знаем, стало следующее событие: польский подстароста Чаплинский, издавна ненавидевший Хмельницкого, воспользовавшись отсутствием Богдана, совершил бандитское нападение на его хутор Субботин, увез его 16-летнюю красавицу-жену и насильно обвенчался с ней по католическому обряду. Говорят, им двигала страсть. Сын Хмельницкого, еще мальчишка, пытавшийся препятствовать беззаконию, был избит Чаплинским – по одним сведениям до смерти, по другим – нет.

Вернувшись, Хмельницкий отправился искать правду в Варшаву, но нашел только насмешки власть имущих. Богдан дошел до короля. Но к тому времени, как писал Гоголь в «Тарасе Бульбе», «...власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волей государственных магнатов, которые своей необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожной гордостью превратили сейм в сатиру на правление».

Владислав IV ничем не смог помочь Хмельницкому, и лишь сказал, очевидно, напоминая ему о наградной сабле: «Носишь саблю – суди»

. Возможно, он просто предложил Богдану разобраться с обидчиками по-рыцарски. Так или иначе, но это были роковые слова. Хмельницкий отправился в Запорожье, поднял Сечь и начал «судить». Это был 1648 год.

Что же такое Сечь? В 1553 году князь Дмитрий Вишневецкий построил на острове Малая Хортица крепость, простоявшую до 1557 года. Она и стала началом Запорожской Сечи.

Как полагают, было порядка восьми Сечей, существовавших от пяти до сорока лет каждая . По своему устройству Сечь представляла собой козацкую республику-орден во главе с кошевым атаманом, выбранным на общей Раде. Слово «орден» я употребил не случайно, равно как неслучайно козаки называли себя рыцарством.

Собственно, слова «козачество» и «рыцарство» в Украине издавна были синонимами. Считается, что

Вишневецкий, много путешествовавший по Европе, заложил в основу Сечи многое из традиций европейского рыцарства, в частности, Мальтийского ордена (Сечь возникла всего четверть века спустя после основания Мальтийского ордена и запорожцы нередко именовали себя «мальтийскими кавалерами» и даже носили на груди восьмиконечные мальтийские кресты с «ласточкиными хвостами»).

Среди запорожцев нередко можно было встретить образованных представителей шляхты, в том числе и с университетским образованием (кстати, и Хмельницкий отнюдь не был тупым рубакой и бессмысленным бражником: он знал латынь, французский и турецкий языки, бывал за границей, во Франции, где с отрядом козаков, «откомандированных» польской короной, принимал участие в осаде Дюнкерка). Вообще, Сечь со своими рыцарско-республиканскими порядками вполне вписывалась в общую картину Речи Посполитой, органично входя в нее в качестве эдакого своеобразного «субъекта федерации». Важно осознать, что поляки и козаки, несмотря ни на что, находились в одном цивилизационном поле (маленькая, но характерная деталь: козаки нередко называли друг друга «панове» и «паны-братья»). Костомаров пишет, что «один из знатнейших польских панов, Самуил Зборовский, был казацким предводителем. Паны приглашали казаков в своих походах, так Мнишки и Вишневецкие с их помощью водили в Московское государство самозванцев. Польские короли не раз пользовались их услугами...». За это король Сигизмунд I Старый отдал запорожцам Черкассы, Канев, Переволочну и крепость Чигирин.

Кстати, по утверждению историка В. Акунова, козаки могли «заимствовать мальтийские кресты не только напрямую у рыцарей Мальтийского Ордена, но и опосредованно, через воинов польско-русско-литовской Речи Посполитой. Дело в том, что отборные войска этого государства, чьими подданными, а вернее – союзниками, на протяжении столетий являлись козаки, тяжеловооруженные гусарские и панцирные хоругви, состояли из рыцарей, украшавших свои кирасы и флюгера (флажки) на копьях “кавалерскими” мальтийскими крестами». В. Акунов особо подчеркивает, что запорожское «лыцарство» на протяжении столетий являлось «неотъемлемой составной частью воинского сословия Речи Посполитой».

Напомним, что первые клейноды (войсковые знаки, регалии и символы власти: булава, знамена, хоругви, бунчуки, печати, перначи и камышины) были пожалованы запорожцам королем Стефаном Баторием (1533-1586).

Конечно, взаимоотношения козаков и поляков были далеко не безоблачны и нередко омрачались конфликтами и взаимной жестокостью, однако в этом вопросе следует отделять правду от мифов, вроде таких, как история о сожжении «ляхами» атамана Северина Наливайко в медном быке (в действительности Наливайко в 1597 году был обезглавлен, а затем четвертован). Не такими ли мифами вдохновлялся Гоголь, описывая ужасную казнь Остапа на варшавской площади? Во всяком случае, «Тарас Бульба» издавна был объектом острой критики польских историков и литературоведов.

Итак, реальные взаимоотношения козаков и «ляхов» были далеки от бытующих и поныне имперско-патриотических стереотипов. Что же, однако, разрушило Речь Посполитую, имевшую уникальный исторический потенциал? Точный ответ дает А. Бушков:

вероисповедный вопрос. До начала X VII века Речь Посполитая была едва ли не самым веротерпимым государством Европы. Ее даже называли убежищем еретиков. Положение меняется при короле Сигизмунде

III Вазе (1566-1632), который пребывал под сильным влиянием иезуитов, сделавших его активным проводником контрреформации. Именно при Сигизмунде

III была заключена Брестская уния (1596) и взят курс на окатоличивание страны, что противоречило самому ее конфедеративному духу. Кстати, именно католическая упертость Сигизмунда

III вызвала в Московии патриотический подъем 1612 года. С другой стороны, и козаки хороши. Чем плоха была уния? Разве она угрожала козацкой идентичности? Вся православная обрядность сохранялась, лишь Папу Римского поминай на церковной службе. Короче, нашла коса на камень. В результате проиграли все: и козаки, и «ляхи». Выиграла Московия.

Пагубная конфессиональная политика Варшавы усугублялась исторической безответственностью значительной части польской шляхты, погрязшей в роскоши, праздности и высокомерии. Эти бездельники уже не желали самолично управлять собственными имениями и передоверяли дела предприимчивым евреям, дравшим с украинского населения три шкуры. Такое положение вещей возмущало и честных поляков, как светских, так и клириков. Однако надо заметить, что, возможно, и эта тема обросла некоторой «мифологией». Так, польские историки называют выдумками XVIII

века распространенные рассказы о том, что евреи получали в аренду от панов православные храмы, «за ключи от которых надо было щедро платить». К разряду рассказней поляки относят и душераздирающие истории о том, как католические священники запрягали в свои повозки украинских женщин.

Короче, в апреле 1648 года поднялась Запорожская Сечь, а с нею остальное украинское козачество и вся Украина. Хмельницкий был избран гетманом. Началась козацкая революция (или гражданская война), известная как Хмельнитчина, вскоре ознаменовавшаяся победами при Желтых Водах и под Корсунью. На этом этапе Хмельницкий стал фактически суверенным правителем Украины. Нам нет необходимости описывать драматические перипетии войны, анализировать Зборовский договор (1649), вполне умеренный, но, тем не менее, разбившийся о польскую твердолобость. Перейдем сразу к тому периоду, когда Хмельницкий, после поражения под Берестечком (1651) пришел к выводу о невозможности продолжать борьбу вне союза с какими-либо иностранными государствами. Рассматривались три варианта: Швеция, Московия и даже Турция. С этими странами были установлены контакты. В итоге Хмельницкий остановил выбор на «единоверной» Москве – идея союза с нею возникала и ранее. Однако процесс сближения шел не просто; **однажды Хмельницкий в сердцах произнес: «Я к москалям с искренним сердцем, а они надо мною насмежаются. Пойду и разорю Москву хуже Польши!».**

Оно и понятно: Хмельницкий и Москва в намечавшемся союзе преследовали совершенно разные цели. Это лишь официозная российская историография внушает, что козаки, как говорится, спали и видели «воссоединение Украины с Россией». На мой взгляд, стратегическая цель у козачества была одна – Украинское козацкое государство, самостийное (что было трудноосуществимо) или в конфедеративном союзе с какой-либо из названных держав (в принципе, не исключалась и Речь Посполитая при условии расторжения унии и соблюдении козацких вольностей). Хмельницкий избрал Москву, хотя наверняка его обуревали сомнения: образованный европеец, повидавший Запад, он, общаясь с московскими послами, наверняка видел, с кем имеет дело. **Тем не менее, дошло-таки до Переяславской рады (январь 1654-го), за которую Хмельницкого впоследствии резко критиковали украинские националисты, в частности, поэт Тарас Шевченко.**

Москва же, я уверен, изначально действовала по принципу «Мягко стелешь – жестко спать», т.е. обещала козакам вольности и права, зная, что потом «пострижет» Украину под свою гребенку. И многим козакам это было вполне понятно.

Как признают, козацкая старшина и украинское духовенство, считавшее москалей «народом грубым и даже вряд ли одной веры», идею соединения (даже конфедеративного) Украины с Москвой «приняли неохотно». Козацкие лидеры и украинская православная шляхта все больше склонялись к независимости Украины. **От Переяславской присяги московскому царю отказались знаменитые полковники Иван Богун (легендарная личность, близкий друг Хмельницкого), Иван Сирко и Грицько Гуляницкий (пять лет спустя героически оборонявший от московитов**

Конотоп), а также четыре полка: Уманский, Брацлавский, Полтавский и Кропивнянский. Санкций со стороны Хмельницкого не последовало никаких: как никак козацкая республика!!!!!!

На самой же Переяславской раде сложилась весьма пикантная ситуация. Присягая царю, Хмельницкий и козацкие старшины настаивали, чтобы московские послы в свою очередь присягнули за царя в соблюдении достигнутых соглашений, прежде всего в сохранении козацких вольностей – по типу польских королей при их избрании на престол.

боярин

На это

Бут

урлин, возглавлявший кремлевскую делегацию, надменно заявил, что «у нас не повелось, чтоб цари давали подданным присягу, а вольности ваши Государем соблюдены будут».

Вот тут бы и задуматься козакам о том, куда они лезут. Лоб в лоб столкнулись, говоря словами Костомарова, европейские «казацко-польские порядки» и восточная деспотия; вновь громко заявил о себе «польско-шляхетский идеал, соответствовавший культуре Украины, и противоречащий порядкам Москвы». Проще говоря, украинцев и московитов разделяла ментальная пропасть. Первые выступали как представители европейской культуры договорных отношений, т.е. культуры права. Вторые же были наследниками Орды и носителями типично азиатского менталитета.

Тем не менее, Переяславские соглашения были заключены, правда, не столь гладко, как это рисует российская историография карамзинской школы. Встречается мнение, что единодушный вопль «Желаем под царя восточного, православного!» - не более чем художественный вымысел московских чиновников, составлявших докладную царю. Как говорится, по документам, Украина соединялась с Московией на конфедеративной основе: она сохраняла выборы гетмана, обладавшего правом принимать иностранных послов и сноситься с иностранными государствами; имела особый суд и управление; неприкосновенность прав шляхетского, духовного и мещанского сословий (города сохраняли Магдебургское право). Наконец, Украина могла собирать царский налог без участия московских сборщиков.

Кроме того, до 60 тысяч сабель увеличивалась численность реестровых козаков – служивого сословия свободных землепашцев, не плативших податей, войти в которое стремились все украинские земледельцы, не имевшие козацких прав (посполитые). Собственно, ради этого они и участвовали в Хмельнитчине.

Что произошло далее, вполне известно. Договор Московии с Польшею, раздел

Украины на правобережную и левобережную, последствия которого Республика Украина ощущает и теперь от выборов к выборам

Особенность политико-правовой системы Запорожской Сечи состояла в том, что она (как и некоторые другие страны англо-саксонской системы права - этому казаки запорожские научились у Речи Посполитой), не знала писаной конституции или иного закона, в рамках которого была бы четко определена структура высших органов власти и управления, их компетенция, разграничены сферы деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей. В соответствии с обычным правом верховная законодательная власть принадлежала раде, или общему совещанию /что, по-видимому, являлось прямым продолжением традиций народных вече Киевской Руси, республиканских традиций Новгородской и Псковской республик/, в котором принимали участие все казаки.

В компетенции такого совещания парламентского типа было решение всех главнейших вопросов: о войне и мире, установлении дипломатических отношений, о разделе земли, о налогах и данях, и т.п. В повестку дня рады, собиравшейся ежегодно 1 января, обязательно включался вопрос о продлении еще на год полномочий высших должностных лиц, т.е. кошевого атамана и всей его "администрации" — судьи, писаря, есаула. Общее собрание могло также потребовать от них отчета о проделанной работе.

Процедура избрания радой "Президента Сечи", или кошевого атамана, весьма демократична и богата по этикету. Заметим лишь, что количество кандидатов не ограничивалось, выборы проходили на "многокуренной" системе (т.е. каждый курень предлагал своего кандидата) по принципу "один человек — один голос", а вновь избранного все приветствовали криком: "Будь, пане, здоровий та гладкий! Дай тобі, Боже, лебединий вік, та журавлиний крик!"

Для того, чтобы быть избранным в члены администрации, необходимо было отвечать таким двум обязательным квалификационным требованиям: признавать христианскую церковь и быть неженатым (последнее, впрочем, не исключало для казаков в принципе возможность общения с представительницами прекрасного пола "в нерабочее время"). Письменные источники донесли до нас перечень запорожских должностных лиц в таком порядке: кошевой атаман, судья, есаул, писарь и куренные атаманы, а также представители низших ступеней исполнительной власти — булавничий, хорунжий, довбыш, гармаш и т.д.

При этом

кошевой атаман был главой административной, судебной и духовной власти, а также, естественно являлся командующим всеми сухопутными и военно-морскими силами (упоминание о последних отнюдь не случайно, если вспомнить, что, переправляясь по Черному морю в больших лодках — "чайках", запорожцы в 1605 г. сожгли Варну; в 1607

разгромили Очаков и Перекоп; в 1612 завладели Кафой /Феодосией/, освобождали множество невольников на Южном берегу Крыма; в 1613 взяли и сожгли Синоп, а в 1616 г. — Трапезунд, причем в этом сражении был разбит значительный по тем временам турецкий флот/.

Он имел право назначать себе заместителя — наказного атамана

. Но при всей полноте власти

кошевой атаман ничего не мог решать без общей рады; ежегодно отчитывался во всех своих действиях и поступках, касавшихся войска, и в любой момент мог быть подвергнут импичменту

/именно в результате импичмента был отстранен от власти президент США Никсон, обвиненный в причастности к Уотергейтскому делу/.

Весьма примечательно, что вторым лицом после кошевого атамана на Сечи был судья, который также избирался на раде. Он олицетворял собой не

только правосудие по всем уголовным, гражданским и военным делам, но, по сути, являлся на Украине тем, чем в Соединенных Штатах является Верховный суд.

Именно он был верховным блюстителем тех обычаев и порядков, на которых в течение многих веков зиждился весь строй казацкой жизни. О важной роли судьи говорит тот факт, что жалованье он получал такое-же, как и кошевой атаман — 70 руб. в год.

Несомненно, что у судьи и приданного ему аппарата юстиции в лице войскового есаула /который, в частности, проводил следствие, наблюдал за порядком в лагере, следил за исполнением судебных приговоров, деятельностью налоговой и таможенной служб и т.п./, а также войскового писаря было немало проблем со строительством правового государства. Отсюда, видимо, необходимость применения устрашающих наказаний /например, если кто убивал своего товарища, то убийцу клали в гроб убитого и вместе с ним закапывали в землю; воровство каралось смертной казнью через повешение и есть известия, что по приговору рады казнили смертью даже совершивших незаконный проступок кошевых/.

При этом наблюдалась и некоторая процессуальная пестрота: элементы инквизиционного процесса /пристрастный суд и возможность применения пытки к подозреваемому в совершении преступления/ мирно соседствовали с такими, безусловно республиканскими нормами, как возможность освобождения обвиняемого из-под стражи под залог или под поручительство. После

"воссоединения" с Россией сложившаяся на Сечи система наказаний "обогадилась" новинкой — ссылкой в Сибирь, которая "вошла в употребление" при императрице Екатерине II и широко практиковалась имперскими властями вплоть до наших дней.

В производстве по гражданским делам существовало четыре судебных инстанции: пала

нка

(этим словом обозначалась определенная часть территории — двор с пристройками, огражденный палисадником — и самое ее управление),
куренной атаман

,

войсковой судья

и, наконец,

кошевой атаман, причем в каждой из них предпочтение отдавалось мирному соглашению сторон

.

Если все уговоры порешить дело миром не увенчивались успехом и в последней инстанции, то кошевой мог отдать приказание проучить какого-нибудь одного излишне упрямого киями, что, безусловно, отбивало у других желание затевать новые склоки и способствовало искоренению сутяжничества.

Наиболее распространенными в гражданском судопроизводстве были дела о потравах скотом посевов соседа, о неуплате долгов, а также о превышении определенной в Сечи на продажу нормы товара. Вторая половина XVII ст. — период расцвета Запорожской Сечи, когда она жила наиболее деятельной жизнью и играла значительную роль в судьбах государств своего региона. Простота жизни запорожцев, готовность в любой момент ценой собственной жизни дать отпор угнетению в любой возможной его форме, приверженность идеям республики, равенства, свободы в сочетании с дисциплиной и строгим повиновением правовым обычаям и воле избранного начальства ставили Сечь в один ряд с наиболее просвещенными республиками Европы

. И в этом не будет никакого преувеличения, если припомнить движение цивилизации к признанию приоритета гражданских ценностей и общего дела в республиках Европы.

Черная ночь опустилась на Запорожье после петровских и екатерининских указов, но не сгинула казацкая вольница, непорушными оказались славные обычаи старины.